

СИСТЕМА АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. ХАРМСА

Статья посвящена рассмотрению системы антропонимических формул, выявлению способов выражения авторской позиции при помощи номинаций персонажей в произведениях Д. Хармса. В работе особое внимание обращается на особенности использования писателем такой системы именования, как «двойчатка» и «тройчатка».

The article is devoted to the analysis of anthroponomical formulas and disclosure of the author's view representation devices by means of heroes' nomination in his (D. Kharms) works. The article pays special attention to such author's peculiarity as a use system of nomination, known as «double» and «triple» nomination.

Ономастикон образует в языке особую подсистему, функционирующую и развивающуюся по языковым законам. Все изменения, происходящие в системе языка, неизбежно отражаются на именах.

Выбор имен персонажам, как и формирование в целом антропонимического пространства — это сложный и трудоемкий процесс, сочетающий знание традиций, обычаев, творческую фантазию,

ориентированность на реальных прототипов и «житейский» прагматизм [1]. Антропонимическая система является результатом влияния многих историко-культурных, религиозных, социально-общественных и других факторов.

В художественном мире, как правило, за конкретным персонажем закреплена определенная форма его имени: полная или сокращенная. Однословная формула используется при номинации детей. Двухсловная формула «имя + отчество» используется со значением уважительности. Трехсловная формула именования используется для номинации уважаемого всеми человека. Необходимо подчеркнуть, что традиции русской литературы в поддержании намеренности подбора писателем социально значимых антропонимов, включая их структуру и модели именования. Например, антропоним Иван Иванович Иванов является характеризующим и без контекстного окружения, а фамильный формант – *ский* является показателем принадлежности к знатному роду, полная форма отчества и личного имени и трехсловная формула именования создают образ уважаемого человека из высших слоев общества.

Именование в русском языке происходит по одноименной (имя, отчество, прозвище, фамилия), двуименной (имя + фамилия, имя + прозвище и т. д.) и трехименной (имя + отчество + фамилия) системам. Тот или иной выбор зависит от сферы общения, параметров коммуникативной ситуации: цели общения, отношения между говорящими, пола, возраста, образования и т. д. В зависимости от сферы употребления – официальной или неофициальной – мы наблюдаем те же самые имена, но уже претерпевшие изменения, например, могут быть суффиксы с субъективной оценкой, стяжения, наращения и т. п. Таким образом, можно сказать, на сегодняшний день общеизвестно традиционное деление антропонимических систем разных народов на однословные, двухсловные, трехсловные формулы именования лица. Однако эта классификация исходит из официально принятой на сегодняшний день формулы: имя + фамилия + отчество, – и в речи используются различные однословные или двухсловные, а иногда и многочленные системы, отличающиеся от единой, официальной.

В произведениях Д. Хармса широко представлены все типы антропонимических формул.

Исследуя ономастическое пространство писателя Даниила Хармса, нужно отметить, что литературному миру известен *один* писатель под псевдонимом Д. Хармс, но с разделением на Хармса «детского» и Хармса «взрослого». «Детский» Хармс сотворил страну в поэзии для детей и стал ее классиком. Произведения для детей полны светлого юмора, неутомимой творческой энергии, тогда как тексты для взрослой катего-

рии читателей наполнены трагизмом мироощущения и строятся по принципу черного юмора. Читателю нетрудно обнаружить сдвиг мировоззрения Хармса в гораздо более тяжелую, мрачную сторону. Трагизм его произведений в этот период усиливается до ощущения полной безнадежности, полной бессмысленности существования. Безусловно, мировоззрение автора сказывается и на системе именования. Имена детей обозначаются сокращенными вариантами антропонимов (Вася, Мария), которые воспринимаются как естественные и нейтральные, а также уменьшительно-ласкательными (Леночка, Мариша), в то время как по отношению к взрослым эта тенденция не наблюдается и имена собственные в основном представлены в полной форме одной из существующих антропонимических формул.

Хармсовская антропонимическая система именования представлена:

1) личными официальными именами, где наблюдается полная форма употребления (Петр, Иван, Антонина, Мария и др.),

2) личными гипокористическими (уменьшительно-ласкательными) именами в сокращенной форме, стилистически нейтральными (Ваня, Вася, Оля, Наташа и др.),

3) личными качественными именами со значением субъективной оценки (Сенька, Петя, Леночка, Марфушка и др.),

4) отчествами (Яковлевич, Андреевич, Алексеевна, Николаевна и др.),

5) фамилиями (Ступин, Миронов и др.).

Наряду с «заурядными» у Хармса фигурируют и необычные имена, вроде «звуковых монстров», которые также можно включить в вышеуказанную классификацию имен собственных. Вот, например, список имен, придуманный Хармсом: «Брабонатов, Сенерифактов, Кульдыхонин, Амгустов, Черчериков, Холбин, Акинтетерь, Зумин, Гатет, Люпин, Сипавский, Укивакин». С точки зрения звуковой изобразительности примечательно драматическое произведение для детей «Цирк Шардам», в котором можем наблюдать сразу два антропонима, поражающих слух своей необычностью и изобразительностью:

Директор. Жонглер-филиппинец! Имя у него тоже филиппинское! Зовут его Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр. Эй, музыка!

а также:

Директор. Сейчас выступит знаменитый факир Хариндрона'та Пиронгроха'та Чери'нгромбо'м бом ха'та! Он приехал из Индии и привез с собой страшную ядовитую змею. Сейчас он покажет вам удивительные индусские фокусы. Смотрите на него...

[Собр. соч. Т. 3, 206]

Здесь мы наблюдаем прием языковой игры, который автор использует для намеренного представления комичности ситуации – каламбур.

Наиболее часто употребляемыми личными именами у Хармса являются: Иван, Петр, Николай, Михаил, Мария, Анна и др.

Фактически имя Иван в текстах Хармса и относительно и абсолютно занимает первое место. Этот антропоним нередко употребляется вместе с его разговорным вариантом – полуименем Ванька. Ср., например:

*...вошел Толстой и снял пальто,
калоши снял и сапоги
и крикнул: Ванька, помоги!
Тогда Иван схватил топор
и трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!*

И вся литература русская в ночном горшке.

[Собр. соч. Т. 1, 333]

Ввиду широкого распространения имя Иван в русском языке приобрело способность употребляться с различными дополнительными значениями в функции вторичного, ассоциативного именования людей, чаще русской национальности. Ср. у Маяковского: «Россия вся единый Иван...» (В. Маяковский, «150.000 000»).

Примечательно, что многочисленные Иваны Хармс заимствует у Гоголя. Ср., например, с одной стороны, Иван-лакей, Иван-псарь, Иван-музыкант в произведении «Игроки» и цирюльник Иван Яковлевич в «Носе» Н. В. Гоголя, а с другой – «Карьера Ивана Яковлевича Антонова», «Иван Яковлевич Бобов...» у Даниила Хармса.

Нередко Д. Хармс использует в своих текстах персонажей с иностранными именами и фамилиями: Арабелла, Матильда, Ганс, Михель, Пауль, Петер, Ольбрен, Петерсен, Смит, Фингер, Швельпин и другими, – а также персонажей с историческими и реальными именами собственными: Герцен, Гоголь, Колумб, Наполеон и другими, – которые, несомненно, включаясь в контекст, привлекают к себе внимание адресата, порождая эффект читательского ожидания. Нередко личные имена вступают во взаимосвязь с фамилиями и отчествами, образуя двуименную и трехименную системы (Арабелла Мулен-Пулен, Дэви Чик, Лев Толстой, Иван Сергеевич Тургенев, Федор Михайлович Достоевский и др.).

По частоте употребления фамилии в произведениях Д. Хармса занимают первое место, составляя структурно двусоставную и трехсоставную антропонимические формулы. Автором используются различные категории фамилий. Прежде всего выделяются фамилии, семантика которых четко определена в структурном плане: Гребешкова, Лебедев, Коршунов, Макаронов, Миронов, Мышин, Пирогов, Рябчиков, Шашкин и мн. др. Имеются также фамилии, представля-

ющие собой звуковой набор и не поддающиеся объяснению с точки зрения происхождения: Елабонин, Калтаев, Ляполянов, Мркоков, Растопякин, Швельпин и др. Двусоставная антропонимическая формула имя + фамилия по сравнению с односоставной формулой (фамилия) встречается реже.

Сочетание имен и отчеств как способ номинации хармсовских персонажей представляется довольно обширно. В основном Хармс использует мужские сочетания имен – отчеств. Женские сочетания малочисленны.

Отчество в произведениях писателя всегда неотделимо от личного имени и употребляется только в сочетании с ним. Основой отчеств являются имена собственные: Иван, Петр, Алексей, Михаил, Константин и др.

В детских произведениях Даниила Хармса отчества нередко появляются со «стяженными» суффиксами в форме -ыч, -ич: Петр Иванович, Иван Иванович, Иван Кузьмич и т. д. Например, в рассказе «Озорная пробка»:

*В 124-м Детском доме, ровно в 8 часов вечера,
зазвонил колокол.*

*Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!
Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин,
а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.
Когда все расселись, Палкарлыч сказал:*

– Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

[Собр. соч. Т. 3, 99]

В данном случае видим не только стяженное отчество Карлыч, но и соединение имени и отчества в одно целое: Павел Карлович – Палкарлыч. В следующем стихотворении «Иван Иванович Самовар» персонажем является самовар, которого Хармс наделяет свойствами человека и именует уважительно Иван Ивановичем:

*Иван Иванович Самовар
был пузатый самовар,
трехведерный самовар.*

*В нем качался кипяток,
пыхал паром кипяток,
разъяренный кипяток...*

[Собр. соч. Т. 3, 7]

Именно самовар – предмет бытового обихода – становится в стихотворении главным действующим персонажем, а не люди, которые периодически подходят к самовару налить кипятка. Предмет приобретает имя, одушевляется и пользуется уважением окружающих. Это явление квалифицируется в науке как явление антропоморфизма.

Во «взрослых» произведениях Хармса подобного не наблюдается, потому что стяженная форма отчеств призвана внести в контекст легкость, простоту, непринужденность в общении, как это происходит в детских текстах. В произведениях

для взрослых все отчества употребляются в полной форме, имеющей зачастую негативную, уничижительную семантику. Так, например, в рассказе «История дерущихся» писатель превращает веселую картину потасовки в фарс: уважаемые люди Алексей Алексеевич и Андрей Карлович дерутся. И, хотя отчества употребляются в полной форме (что обычно придает уважение человеку), в контексте они имеют отрицательную коннотацию:

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его. Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам...

[Собр. соч. Т. 2, 315]

Трехчленная структура имени собственного в текстах Хармса представлена довольно обширно. Например, Иван Яковлевич Антонов («Карьера Ивана Яковлевича Антонова»), Абрам Демьянович Понтопасов («История»), Василий Петрович Иванов («Ломка костей»), Александр Иванович Дудкин («Александр Иванович Дудкин») и др.

Необходимо отметить такое явление в употреблении Хармсом имен собственных, как «двойчатка» и «тройчатка» – двукратное и троекратное повторение основы имени: Адам Адамович, Антон Антонович, Иван Иванович, Парамон Парамонович, Федор Федорович и др. Появление этих антропонимических структурных формул вызвано, возможно, появлением «двойчатки» у Н. В. Гоголя, только у Хармса она превращается в «тройчатку»:

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящий рыцарь.

С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество...

[Собр. соч. Т. 2, 152]

Важен тот факт, что все имена хармсовских персонажей, несомненно, участвуют в создании некоего образа, но это не образ персонажа, а образ, создаваемый текстом в целом. У персонажа нет каких-либо личностных качеств, свойств, черт характера, то есть отсутствует необходимое означаемое. Это свойственно и «двойчаткам»:

Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак. Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит. Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак. Семен Семенович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

[Собр. соч. Т. 2, 311]

Особое место занимают и у Хармса и у Гоголя Иваны Ивановичи. У Гоголя это: хозяин квартиры, которую в пору своей бедности нанимал художник Чартков («Портрет»); крестный отец Акакия Акакиевича («Шинель»); один из гостей помещика Сторченка, к которому приезжает Иван Федорович Шпонька; его высокопревосходительство («Утро делового человека»); наконец, один из главных персонажей «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Хармса это персонажи 9 текстов [2000, 1: 22, 365, 411; 2: 152, 186, 330; 3: 7 и др.], причем Иван Иванович Никифоров – это явная контаминация гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Интерес к мировоззрению Гоголя и высокая оценка его творчества были характерны для Хармса на протяжении всей его жизни.

Другим любимым писателем Хармса был Ф. М. Достоевский, который также находился под значительным влиянием гоголевской поэтики. У Достоевского встречаем все те же гоголевские «двойчатки» в наименованиях персонажей и другие свойства, в проявлении которых у Хармса невозможно отделить влияние Гоголя от Достоевского. Например, Антоны Антоновичи Хармса и Гоголя присутствуют и у Достоевского в «Записках из подполья» и «Записках из Мертвого дома», Федоры Федоровичи – в «Бедных людях» и «Записках из Мертвого дома», Иваны Ивановичи – в «Селе Степанчикове...» и «Записках из Мертвого дома» и т. д.

У Хармса есть несколько текстов, в которых у персонажа неожиданно, а порой даже незаметно изменяется имя (или отчество, фамилия). Приведем некоторые примеры:

Карл Иванович > Карл Игнатьевич («Однажды один человек по имени Андриан...»)

Андрей Иванович > Андрей Семенович («Андрей Иванович плюнул в чашку...»)

Иван Яковлевич Григорьев > Иван Яковлевич Антонов («Карьера Ивана Яковлевича Антонова»)

Калугин > Кулыгин («Победа Мышина»)

Персонажем становится само имя. И это имя, по мнению разных исследователей, семантически пустое, подчеркнуто бессмысленно, «для Хармса характерно принципиальное безразличие к именам, вплоть до нарушения связи номинации с денотатом» [2].

Таким образом, в произведениях Даниила Хармса употребляются все анализируемые антропонимические формулы. В ряду одночленных выступают имена и фамилии. Самыми частотными среди означенных являются имя Иван и образованная от этого имени фамилия Иванов. Довольно обширно в текстах Хармса представлены двучленная (имя + фамилия, имя + отчество) и трехчленная (имя + отчество + фамилия) формулы именования персонажей, причем неоднократно встречаются сочетания имен собственных с одинаковой основой (двухкомпонентная антропонимическая формула), которые именуются «двойчатками». «Тройчатка» как способ именования хармсовских персонажей используется автором единожды. Среди представленных антропонимических рядов по частоте употребления абсолютное место занимают фамилии (однословная система именования). Специфика хармсовского стиля заключается в приеме «устранения персонажа». Хармс условно называет своих персонажей какими-то именами, но между тем, кроме имени, у них ничего нет. Это имя семантически пустое.

Примечания

1. *Фролов, Н. К.* Функции антропонимов в художественном тексте [Текст] / Н. К. Фролов // *Духовная культура Сибири*. Тюмень. 1994. С. 156.

2. *Сими́на, В.* Хармс и Белый [Текст] / В. Сими́на // *Литературное обозрение*. 1994. № 9/10. С. 53.

Источники

Хармс, Д. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. Т. 1: *Авиация превращений* / Д. Хармс. СПб.: Азбука, 2000. 576 с.

Хармс, Д. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. Т. 2: *Новая анатомия* / Д. Хармс. СПб.: Азбука, 2000. 416 с.

Хармс, Д. Собрание сочинений [Текст]: в 3 т. Т. 3: *Тигр на улице* / Д. Хармс. СПб.: Азбука, 2000. 384 с.